

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРАот 16 сентября
1975 г.

г. Москва

ЩЕДРОЙ РУКОЙ

Сегодня в Москве завершаются гастроли Болгарского театра Народной армии. Четыре спектакля, показанных нашими болгарскими друзьями, достаточно разносторонне представили основные творческие идеи коллектива, возможности его режиссуры, актеров, художников.

Четыре спектакля — это четыре разных художественных облика театра и вместе с тем это четыре победы, одержанные на очень трудном и сложном материале. Динамичный, полный броских и умных метафор спектакль «Смертью смерть поправ» (по роману Б. Васильева «В списках не значился», постановка А. Шопова, художник А. Ахрянов), которым театр открыл гастроли, уступил место проникновенному, неторопливому, но исполненному скрытого трагизма рассказу о судьбе красоты — «Албена» Й. Йовкова (постановка К. Азаряна, художник Д. Петров). А потом было открытие малоиграемой у нас комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви», поставленной Л. Даниэлем с изысканной легкостью и глубокой трезвостью в понимании природы человека. Остросоциальным спектаклем «Осужденные души» по пьесе классика болгарской литературы Д. Димова театр завершил свое первое знакомство с московским зрителем.

Во всех четырех работах, столь разных по художественному языку и театральным пристрастиям, отчетливо просматривается основная творческая идея театра: не замыкаясь в какой-либо одной стилевой манере, болгарские художники создают истинно поэтический театральный мир, в котором неразрывно сплавлены высокая патетика и суровая правда, где человеческая жизнь проверяется высокими критериями социальной справедливости, красоты и добра. Философская основательность, масштабность мысли о человеке и мире — вот самые существенные черты всех виденных нами спектаклей.

Каждый из трех болгарских режиссеров талантлив по-своему. Каждый из них предлагает зрителям уникальный художественный мир, который попробуем в самых общих чертах обрисовать. Театр Асена Шопова — такой, каким он возник в спектакле «Смертью смерть поправ», — насыщен стремительными, одна другую сменяющими метафорами, разнообразными, не всегда сочетающимися красками, брошенными на сценическое полотно ради одной важнейшей цели: режиссер и его актеры утверждают высоту человеческого духа, его способность противостоять насилию, фашизму, смерти. Не случайно будничное «В списках не значился» уступило место торжественному «Смертью смерть поправ», не случайно разрушенные и расстрелянные стены Брестской крепости читаются как надгробные памятники, над которыми в финале склонятся скорбные женщины. С необычайной силой прозвучит в спектакле тема нашествия из музыки Шостаковича: вначале она будет звучать как бы спазматическими толчками-выстрелами, рассеченная, разбитая, искромсанный, и тем сильнее ее финальное торжество. Неотвратима победа музыки над хаосом, неотвратима победа

человечности над фашистской нечистью. На смену музыкальной метафоре идет метафора сценическая: в белой, из простого солдатского полотна, рубашке смотрит в глаза Плужникова (И. Добрев) девушка (Н. Симеонова), отогрета им жизнь, стоит калек, приравненная к мадонне, склонившейся над ребенком, на стене разрушенного храма. И выйдет из темноты Мать (В. Карамихова) Коли Плужникова, и восхитится красотой своей невестки, и вместо свадебного белого платья накинёт на нее черный платок. Не надо никаких слов — перед нами подлинный трагический театр, очищающий душу страхом и состраданием. С истинно братским проникновением в подвиг и душу русского солдата создали Асен Шопов и болгарские актеры спектакль-реквием, памятник первым героическим защитникам советской земли.

Другой театральный мир возникает в «Албене». Грешная красота болгарской девушки всех смущает в селе, люди не знают, что с ней делать, куда ее спрятать. Толпа зевак, плюющих семечки, детские головки из-за плетня, мазанные белесые хаты, тяжелый скрип мельничного колеса, старики, трясущиеся от непонятной злобы, сельские ухари, сторающие в любовной тоске по Албене (Е. Райнова), темные и сильные, под огромной жаровой-солнцем — вот люди, фон и суть деревенской трагедии, поставленной Крикором Азаряном. Спектакль открыл нам целый ряд прекрасных актеров, среди которых особо надо сказать о Кириле Яневе, сыгравшем батрака Куцара с подлинно трагедийной мощью. Это ему, Куцару, режиссер подарил самую сильную сцену спектакля: лихорадочно-болезненный, убитый открывшейся изменой, Куцар пытается натянуть по всему дому красные лучи ниток, рассчитывая ими оградить, спрятать, сберечь красоту Албены.

И третий театральный мир открыл нам Леон Даниэл в шекспировском спектакле. Ранняя комедия увиденна глазами умными, печальными и добрыми. В ней расслышаны трагические мотивы зрелого шекспировского гения.

Очень долго режиссер ведет зрителя как бы по ложному следу, ввергает в бесконечные розыгрыши, чтобы в финале неожиданным известием о смерти прервать веселый хоровод и заставить взглянуть на наивный сюжет иными глазами. Мужчины выдумывают нелепый устав отречения от мира, женщины занимаются откровенным торгом, все хотят быть победителями и любимыми, но никто не может любить и слушать другого. Примитивистские, в духе Т. Руссо, броско разукрашенные цветы и огромные листья исчезают в финале, оставляя пустое пространство, в центре которого «древу жизни» без всяких прикрас и погрешек. Щедрой рукой сделаны непрерывные открытия людей, которых уже не забудешь. Не забудешь нелепого и трогательного де Армадо — маленького Дон Кихота (Н. Шопов), жалкого, хорохорящегося Короля (Й. Сырчаджиев), уверенного красавца Бирона (С. Данаилов) и многих других прекрасных болгарских артистов, подаривших москвичам в эти несколько вечеров счастье общения с настоящим театром.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ,
кандидат искусствоведения.